

Дух Православия очень близок к тому, что можно пережить, читая Евангелие. Меня всегда поражает разница между Евангелием и Апостольскими Деяниями; в Апостольских Деяниях мы находим человеческое общество верующих, которое уже начинает ставить перед собой вопросы узкие, мелкие; общество, где поднимаются всякого рода человеческие переживания, как тина со дна реки. В Евангелии же поражает простор безмерный, простор такой же широкий, как Сам Бог; такое чувство, что над широкой равниной дышит ветер и можно дышать полной грудью, что мы не пленники какой-то системы мышления; хотя мысль Православия и глубока, и четка, но она не суживает опыт.

И слава русского православия на Западе, мне кажется, в том, что мы не являемся этнической церковью. Мы являемся носителями русской духовной культуры, с ее свойствами, с переживанием Бога как предельной красоты, истины, и правды, и жизни, воплощенными в богослужении, в благоговейном его совершении.

Цельность и простота нашего богословия, наша открытость всемирному мышлению, сострадание, которое родилось от великого страдания – все эти свойства открывают Православие другим людям. Поэтому я уверен, что русский народ, Россия должна сказать живое слово Православия, особенно после того, как она прошла через горнило испытаний семьдесят лет с лишним, через гонения, ужас, искания, через тьму и свет. Она может сказать более убедительно, чем те православные народы, которые не проходили через трагедию, которые не обрели заново свою веру, уже сознательно, лично, по-зрелому, по-взрослому. Но не потому, что мы русские, а потому что такова была наша судьба.

